

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: СУДЬБЫ ИСТОРИКОВ И НАУЧНЫХ ШКОЛ

(к 175-летию В.И. ГЕРЬЕ И 140-летию МПГУ)*

17–19 мая 2012 года в Москве, в здании МПГУ, прошла конференция «Историческая наука и образование в России: судьбы историков и научных школ» приуроченная к 175-летию со дня рождения В.И. Герье и 140-летию МПГУ. Организаторами конференции стали Российское общество интеллектуальной истории и Московский педагогический государственный университет. В конференции приняли участие около 100 участников из 20 регионов и 35 учебных и научных заведений РФ, а также ученые из США, Италии, Швеции.

Интеллектуальной настрой конференции был задан на пленарном заседании, где прозвучали приветствия, а также два программных доклада, посвященных В.И. Герье (Т.Н. Иванова (Чувашский ГУ), Г.П. Мягков (Казанский ФУ)), в которых авторы поставили вопросы о школе Герье, ее месте в научном пространстве России, а также роли Герье в российской культуре последней трети XIX века. Два других пленарных доклада (Р. Тоштендаль (Швеция), А. Мегилл (США)) обозначили ряд ключевых теоретических вопросов, вокруг которых развернулись дискуссии на секционных заседаниях.

Работа 1-ой секции «Владимир Иванович Герье – ученый и педагог» тематически и проблемно стала продолжением прозвучавших в пленарном засе-

дании докладов об этом выдающемся ученом. По тематике прозвучавшие доклады можно объединить в две группы: исследования отдельных исторических проблем в творчестве В.И. Герье и его учеников (доклады Л.П. Репиной (ИВИ РАН), Н.Ю. Старковой (Удмуртский ГУ), С.С. Ходячих (ИНИОН РАН), А.А. Куреньшева (МПГУ)) и доклады, посвященные проблеме научных школ, учителям и ученикам В.И. Герье (доклады И.Г. Воробьевой (Тверской ГУ), Л.П. Лаптевой (МГУ), А.А. Шаровой (НИУ ВШЭ), Д.А. Цыганкова). Можно ли считать учениками только магистрантов, защитивших диссертации под руководством профессора, что такое периферия научной школы, интерференция научных сообществ, «двойное ученичество», какова роль самоидентификации ученых и влияние на эту самоидентификацию изменяющейся политической обстановки – эти вопросы стали ключевыми в дискуссии и задали вектор дальнейшего развития схолярной историографии.

Работа 2-ой секции «Знание о прошлом в контексте научных революций» строилась вокруг трех проблемных узлов. Во-первых, были рассмотрены проблемы, современное состояние и перспективы цивилизационных исследований. В докладе О.В. Воробьевой (ИВИ РАН) были очерчены возможные поля исследований в этой об-

* Выполнено в рамках проекта «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в Новое время» (Грант РГНФ № 10-01-00403а).

ласти знания (в частности, в изучении проблем конструирования цивилизационного сознания, идентичностей, коллективного опыта) и выдвинута задача поиска адекватных теоретико-методологических оснований для таких исследований. Доклад И.Н. Ионова (ИВИ РАН), продолживший эту тематику, был посвящен эвристическому потенциалу некоторых современных цивилизационных теорий и подходов, в частности, т.н. «перекрестной истории» – исследовательского проекта, сформировавшегося в русле «соотносящих подходов» и предполагающего изучение обществ и цивилизаций как зон культурных взаимодействий.

Второй блок проблем касался проблемы научных революций и, в частности, применимости данного понятия (в куновской трактовке) к историческому знанию. Участники секции согласились с сомнениями Р. Тоштендаля (Швеция) по поводу возможности его использования в научно-гуманитарном знании и предприняли ряд продуктивных попыток отойти от линейной схемы «смены парадигм» в историческом познании. Так, И.Н. Ионов высказал идею о формировании постпарадигмального познавательного пространства в современной науке, И.Л. Зубова (Ульяновский ГУ) подняла проблему полипарадигмального режима исторического познания. Важным результатом дискуссии по этой теме стало понимание возможности разных вариантов взаимоотношений между парадигмами: их переплетения, сосуществования и т.д., что было прекрасно проиллюстрировано на примере российской культуры второй половины XIX – начала XX в. (О.Б. Леонтьева, Самарский ГУ).

Третий круг проблем касался вопроса состояния научных сообществ в

условиях смены парадигм и познавательных поворотов. На основе разработанной омскими историками модели презентации современного сообщества историков были продемонстрированы разнообразные и неоднозначные изменения, происходящие сегодня в коммуникативном поле российской исторической науки (В.Г. Рыженко, Омский ГУ).

На секции 3 «История исторической мысли и история историографии как академической дисциплины» было заслушано пять докладов. Открыл работу секции доклад Г.В. Бакуса (Тверской ГУ), посвященный использованию европейским интеллектуалом конца XV в. У. Молитором сюжетов прошлого и имен авторитетных античных писателей для обоснования актуальных вопросов его современности. М.И. Козлова (Сыктывкарский ГУ) в докладе представила компаративную модель историографического исследования, сосредоточив внимание на практике использования античной истории при конструировании российской истории М.М. Щербатовым и Ф.А. Эминым. В.П. Богданов (МГУ) обратил внимание на использование памятников литературы как исторического источника при изучении истории старообрядчества. Докладчик остановился и на таком важном вопросе, как возможность отнесения подобных памятников к особому виду историографических источников. С.И. Маловичко (РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева) продолжил начатый разговор докладом об источниковедении историографии с точки зрения Научно-педагогической школы источниковедения. По его мнению, феноменологическая концепция Школы позволяет плодотворно решать актуальную задачу клас-

сификации историографических источников. Большой интерес вызвал доклад Г.Н. Канинской (Ярославский ГУ) о многолетней практике интервьюирования ведущих представителей французской историографии (проводимой докладчиком). Участниками и гостями секции (Т.А. Булыгина, В.А. Филимонов и др.) была начата дискуссия о формах исторического знания, об историковедении историографии, историографическом факте, а также о характерных чертах научно ориентированного и социально ориентированного исторического знания.

Большинство докладов 4-ой секции «Историк и его время: интеллектуальная биография в контексте эпохи» были нацелены на поиск вариантов анализа тех исследовательских ситуаций, которые возникают при становлении и развитии жанра интеллектуальной биографии.

Основные направления исследовательской мысли участников работы секции отразили самые насущные методологические аспекты интеллектуальной истории в том контексте, который связан с осмыслением влияния среды и эпохи на конкретных персонажей. Вместе с тем обозначилось стремление выйти за эти рамки. Кроме эпохального контекста, слушатели докладов Д.А. Будюкина (Липецкий ГТУ), А.А. Кузнецова (Нижегородский ГУ), Н.В. Некрасовой (РГГУ), О.В. Метель (Омский ГУ) интересовались творчеством конкретных деятелей историографии. Так обозначилась проблема, порождаемая техниками историографического исследования. Следуя технике изучения коммуникационной сети в историографии (А.А. Кузнецов, В.А. Филимонов), создается определенная проблема биографии историка.

Однако постижение его биографического феномена требует обращения к его трудам. Тем самым, «размываются» границы поля эпохи, очерчивающие интеллектуальную биографию. С другой стороны, доклад Т.А. Тоштендаль-Салычевой (РГГУ) продемонстрировал прямую, не опосредованную связь между общественным заказом, внутренней потребностью, обусловленными и политическими изменениями, и сменой фокуса в связи с разными духовными потребностями в разные периоды жизни, в научном творчестве шведской исследовательницы Биргитты Уден.

Н.А. Селунская (МГУ) поставила проблемы и обозначила возможные направления для их решения: 1. Где грань между провинциальным историком и профессиональным историком, каковы критерии этого разграничения? 2. Насколько эпоха деформирует творчество историка, и как, не взирая на эти обстоятельства, труды историка актуализируются в последующие времена? Данные вопросы прозвучали в своеобразном компаративистском контексте соотнесения биографии В.И. Колосова (Н.В. Некрасова) и биографии Джоаккино Вольпе (Н.А. Селунская, ИВИ РАН). В докладе М.П. Лаптевой (Пермский ГУ) содержался призыв: при создании интеллектуальной биографии учитывать интуицию историков при постижении ими феномена прошлого. Поставленный при обсуждении доклада М.П. Лаптевой вопрос: насколько уместно использовать интуицию как метод написания интеллектуальной биографии, – привел к постановке проблемы: если мы вербализуем и верифицируем интуицию как метод, то не потеряем ли мы ее творческую со-

ставляющую, а с другой стороны – не создадим ли возможности для апологетики «внеисточникового знания»?

Работа секции 5 «История как наука и ее общественный потенциал», по сути, была продолжением дискуссии, начатой на пленарном заседании, и одновременно прелюдией к круглому столу, завершившему работу конференции. Проблемное поле дискуссии включало в себя вопросы формирования и дальнейшей эволюции научных школ отечественной и европейской историографии, соотношения теоретико-методологических, мировоззренческих, идейно-политических факторов институционализации отдельных профессиональных сообществ.

В докладе О.И. Ивониной (Новосибирский ГУ) была поставлена проблема соотношения сциентистских стандартов и авторской практики исторического нарратива. Выбор С.М. Соловьевым концепции всемирной истории как временной эстафеты различных культур и локальных сообществ, подчиняющихся универсальным законам «смены исторических возрастов», явился, с точки зрения автора, результатом взаимодействия русской историографии с базовыми традициями интеллектуальной истории Европы: Гегеля, Гердера, Тьери, Гизо, Конта, Спенсера, Бокля. Творческое наследие С.М. Соловьева свидетельствует о преодолении им крайностей исторической концепции как славянофилов, так и западников посредством включения русской истории в процесс глобального взаимодействия и взаимозависимости народов в эпоху Нового времени. В докладе И.Л. Григорьевой (Новгородский ГУ) подчеркивалось значение таких институциональных форм развития исторического знания, какими были книжные собрания

преподавателей Киево-Могилянской академии и библиотека Новгородских владык. Последующий процесс секуляризации позволил расширить источниковую базу профессиональных историков за счет использования ими книжных собраний ведущих религиозных центров России. В докладе К.И. Шнейдера (Пермский ГУ) вновь был поставлен вопрос о критериях выделения либерального течения русской общественно-политической мысли в самостоятельное направление отечественной историографии. Было подчеркнуто значение организационных форм самоопределения представителей раннего русского либерализма вокруг определенных печатных изданий (журналов, альманахов, сборников), ставших площадкой как для манифестации идейно-политического и профессионального кредо историков-либералов. В докладе А.В. Хрякова (Омский ГУ) акцент был сделан на значении экзистенциального опыта историка в процессе его личного и профессионального самоопределения. Так, боевое братство историков, сформированное их участием в Первой мировой войне, позволило его участникам занять особое место в профессиональном сообществе Германии времен Третьего рейха и первых послевоенных лет. Общее представление немецких историков о социально-политической и идеологической функции исторического знания («история как политика, опрокинутая в прошлое») облегчило решение проблемы исторического забвения как способа преодоления травматического разрыва поколений.

Центральным звеном работы секции стал доклад Т.А. Булыгиной (Ставропольский ГУ) В нем нашли отражение дискуссии вокруг перспектив и эвристических возможностей схолярных

исследований, необходимости развития такого направления исторических исследований, как совмещение социологии науки, биографического и институционального подходов, микро-истории историографии. В докладе подчеркивалась необходимость учета региональных особенностей развития научных школ медиевистики, востоковедения, отечественной истории, философии, социологии, зачастую отличавших не только характер сценического поведения советских гуманитариев, но и ценность произведенного ими научного продукта. Дробность исторического сообщества 1960–1970-х гг. (обусловленная как дисциплинарными и региональными рамками работы историков, так и их личностными характеристиками) по мнению автора, сыграла позитивную роль в развитии исторической науки, позволив добиться существенных прорывов на отдельных направлениях. В докладе Н.В. Липатовой (Ульяновский ГУ) были выделены базовые образы исторической науки и образования, бытующие в современном массовом сознании, с акцентом на психотерапевтической и мифотворческой функции историка. Подчеркивалась необходимость массовой рекламы историками социальных функций своего ремесла, овладения искусством художественного воплощения академических проблем в популярных СМИ.

В секции 6 «Историческое образование, научные школы и университетская культура» были представлены доклады, посвященные, главным образом, преподаванию истории в университетах в XIX – начале XX в.

Р.Б. Казаков (НИУ–ВШЭ) представил результаты изучения лекций А.С. Лаппо-Данилевского 1906 г. по истории науки для преподавателей

средних учебных заведений. М.Ф. Румянцева (РГГУ) провела сопоставительный анализ лекционных курсов А.С. Лаппо-Данилевского и В.М. Хвостова по методологии истории. Эта проблематика была развита Р.Б. Казаковым и М.Ф. Румянцевой в совместном докладе об истории, современном состоянии и перспективах развития Научно-педагогической школы источниковедения (сайт Источниковедение.ru), восходящей в своих основах к русской версии неокантианства, разработанной в том числе А.С. Лаппо-Данилевским и В.М. Хвостовым.

Доклады Н.В. Ростиславлевой (РГГУ) об историческом образовании в университете Гумбольдта в середине XIX в. и Т.В. Чумаковой (СПбГУ) о преподавании философских дисциплин в Санкт-Петербургском университете в XIX в. вывели дискуссию на компаративистскую тематику, позволив поставить проблему модели университетского образования.

Эти размышления и наблюдения были удачно дополнены докладом Д.А. Добровольского (РГГУ, НИУ–ВШЭ), который поставил в рамках проблематики источниковедения историографии важную проблему дифференциации понятий истории исторической науки и истории исторической мысли, спроецировав ее на разграничение традиционных для высшей школы лекционных курсов истории исторической науки и историографии. Этот доклад спровоцировал дискуссию о понятийном аппарате истории исторического знания.

Два доклада на секции можно разместить собственно в проблемном поле университетской культуры. В.П. Пушков (МГУ) представил результаты и перспективы многоаспектного исследования списков перво-

курсников историко-филологического факультета Московского университета 1917/1918 акад. года. Феномен «профессорской культуры» в понимании А.А. Кизеветтера был описан В.Ю. Волошиной (Омский ГУ).

С общим направлением работы секции явно диссонировал доклад Р.Ф. Набиева (Казанский юридический институт МВД РФ), носивший явно идеологический, публицистический, но не научный характер и выполненный в русле активно актуализируемой властью концепции российского евразийства.

В целом, участники секции пришли к выводу, что проблематика изучения традиций российского высшего образования сохраняет свою актуальность в условиях существенных, и не всегда позитивных, трансформаций российской высшей школы и университетской культуры в начале XXI в. Особое значение приобретает экспликация опыта научных школ, функция которых не столько в обеспечении преемственности в науке, сколько в сохранении стандарта научности и сохранении активно модифицируемой / разрушаемой университетской культуры.

На круглом столе «Политика памяти и практика истории» были обсуждены следующие проблемы, поставленные в заявленных докладах З.А. Чеканцевой (ИВИ РАН), С.И. Маловичко (РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева), Л.П. Репиной (ИВИ РАН): 1) проблема соотношения политики памяти как официального государственного курса и исследовательских практик историков в контексте происходящего процесса интернационализации памяти; 2) проблема разрыва между социально ориентированной и научно ориентированной историей и целесообраз-

ность ее рассмотрения сквозь призму истории исторической культуры в поле интеллектуальной истории; 3) проблема различий между интерпретацией юбилейных событий властью и представлениями/ожиданиями общества (столкновение разных «Мест памяти»); 4) проблема трансформаций функций исторической науки на современном этапе и необходимости изменений в самой исторической культуре с учетом соотношения между идентификационной и прикладной функциями; 5) проблема профессионализма в публичной истории как «истории для всех» и поиска специальных образовательных практик для подготовки специалистов разных, в том числе, не научных областей и институций.

Наибольшее количество вопросов и рефлексии участников вызвали проблемы создания групповой памяти, расслоения официальной памяти, фиксации «мест памяти» в условиях происходящей «революции памяти», конструирования социально ориентированной истории, содержания конвенциональной модели историографии, необходимости выработки иной по сравнению с существующей модели чтения курсов по национальной истории, создания источниковедения историографии, десакрализации архивного источника, выяснения, что такое архивная культура, каково состояние научного сообщества историков.

Закончилась конференция посещением могилы В.И. Герье на Пятницком кладбище Москвы.

*О.В. Воробьева, Т.Н. Иванова,
М.П. Лаптева, О.Б. Леонтьева,
Г.П. Мяжков, М.Ф. Румянцова,
В.Г. Рыженко*